

22 июня 1941 года — одна из самых печальных дат в истории России — **День памяти и скорби** — день начала Великой Отечественной войны. Этот день напоминает о всех погибших в боях, замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений. Мы скорбим по всем, кто ценой своей жизни выполнил святой долг, защищая в те суровые годы своё Отечество.

50 стихов о первом дне войны

Июньская память

Вот и снова июньские дни
Приближаются к 22-му.
Память, властью своею верни
Всех, в бессмертье ушедших из дома.
Всех верни, кто в боях и в тылу
Не дождался салюта Победы.
Как мы к мирному жались теплу,
Как нам помнятся прошлые беды...
В каждом доме свой список имен,
Мы потери зовем поименно:
Петр,
Иван,
Александр,
Семен...
Сколько звезд сорвалось с небосклона!
Сколько крови у нас пролилось, —
Не сказать ни стихами, ни в прозе.
Сколько выросло новых берез —
Память горькая в каждой березе.
И за каждой березой, как сон,
Горький сон,
Что давно уже начат, —
Петр,
Иван,
Александр,
Семен
В довоенной одежде маячат....
Т. Кузовлева

Двадцать второе июня

Снова все вещи в мешке,
Снова подтянут и юн я.
На календарном листке —
Двадцать второе июня.

В памяти снова встают
Лица, события, даты,
Снова солдатский наряд
Мне выдают интенданты.

Чёрной завесой беды
Не заволочены дали.
Что суждено испытать,
Мы ещё не испытали.

Нам ещё песен Джалиль
Не посылал из застенка.
Цел ещё город Смоленск,
Жив ещё Сеня Гудзенко.

Зою ещё не обжѐг
Холод можайского снега,
И не написан роман
Про Кошевого Олега.

Пуля, которой Гайдар
Будет настигнут на тропке,
Где-то в Берлине ещё
Спит в магазинной коробке.

Не полыхают ещё
В сѣлах украинских клуни.
Юности нашей рубеж —
Двадцать второе июня.

Боль не умерив свою
И не тускнея с годами,
Всѣ это снова встаѣт
Каждое лето пред нами:

Первый наш эшелон,
Мчащийся к Приднепровью.
Первый клочок бинта,
Залитый первой кровью.

Первая на земле
Бомбовая воронка.
Вложенная в конверт,
Первая похоронка.

Первая под сосной
Вырытая могила.

Кажется, лишь вчера
Всё это с нами было.

Это — как давний спор,
Что бесконечно долог,
Это — как под ребром
Спрятавшийся осколок.

Душных теплушек бред,
Женщин бездомных лица —
Пусть это никогда
С вами не повторится.

Травы и листья в росе,
Дождь прошумел накануне.
Отзвуки дальней грозы,
Двадцать второе июня.
М. Матусовский

22 июня

Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон по стойте,
Вспомните погибших за нас.

Там, в толпе, среди любимых, влюблённых,
Среди весёлых и крепких ребят,
Чьи-то тени в пилотках зелёных
На окраины молча спешат.

Им нельзя задержаться, остаться —
Их берёт этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.

Окликать их и звать их — напрасно,
Не промолвят ни слова в ответ,
Но с улыбкою грустной и ясной
Поглядите им пристально вслед.
В. Шефнер

Напоминание

Самый светлый,
Самый летний день в году,
самый большой день Земли —
двадцать второго.
Спали дети,
зрели яблоки в саду.
Вспоминаем,
вспоминаем это снова.

В Сталинграде Волга тихая плыла
и баюкала прохладой переплеска.

С увольнительной в кармашке
дня ждала
пограничная пехота возле Бреста.

Спал Матросов.
Спал Гастелло в тишине.
На рыбалку Павлов шёл тропой недолгой.
В Сталинграде мать письмо писала мне
и звала меня домой, манила Волгой.

Талалихин по Тверскому шёл в ту ночь,
у Никитских попрощался —
ночи мало —
с той, которой я ничем не мог помочь
в день,
когда она на улице рыдала.

Вспоминаем эту ночь и в этот час
взрыв,
что солнце погасил в кромешном гуле,
сквозь повязки неумелые сочась,
кровь народа заалела
в том июне.

Шаг за шагом вспоминаем,
день за днём,
взрыв за взрывом,
смерть за смертью,
боль за болью,
год за годом, опалённые огнём,
год за годом, истекающие кровью.

Вспоминаем торжество,
как шли и шли
и Берлин огнём открыли с поворота,
и увидели просторы всей земли,
проходя
сквозь Бранденбургские ворота.

Сами звери поджигали свой рейхстаг,
дым последний очертанья улиц путал,
но Егоров и Кантария наш стяг
водрузили на шатающийся купол.

Вспоминаем всех героев имена,
все победы называем поимённо.
Помнит вечная кремлёвская стена,
как валились к ней фашистские знамёна.

Нам бы только этот май и вспоминать,
но июнь ещё стоит перед глазами,
если жало начинают поднимать
и охрипшими пророчить голосами.

Мы не просто вспоминаем
день войны,
не для слёз и мемуаров вспоминаем.
Люди мира вспоминать о нём должны.
Мы об этом
всей Земле напоминаем.
М. Луконин

Тот самый длинный день в году

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.

Она такой вдавила след
И стальных наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.

А к мёртвым, выправив билет,
Всё едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет...
И ставит, ставит обелиски.
К. Симонов

22 июня 1941 года

Казалось, было холодно цветам,
и от росы они слегка поблёкли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
и пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не пел бы ни о чем,
а славил бы всю жизнь свою дорогу,
когда б армейским скромным трубачом
я эти пять минут трубил тревогу.
С. Щипачев

В канун войны

Брест в сорок первом.
Ночь в разгаре лета.
На сцене — самодеятельный хор.

Потом: «Джульетта, о моя Джульетта!» —
Вздымает руки молодой майор.

Да, репетиции сегодня затянулись,
Но не беда: ведь завтра выходной.
Спешат домой вдоль сладко спящих улиц
Майор Ромео с девочкой-женой.

Она и впрямь похожа на Джульетту
И, как Джульетта, страстно влюблена...

Брест в сорок первом.
Ночь в разгаре лета.
И тишина, такая тишина!

Летят последние минуты мира!
Проходит час, потом пройдет другой,
И мрачная трагедия Шекспира
Покажется забавною игрой...
Ю. Друнина

22 июня 1941 года

Всё, всё у сердца на счету,
Всё стало памятной метой.
Стояло юное, в цвету,
Едва с весной расставшись, лето;

Стояла утренняя тишь,
Был смешан с медом воздух сочный;
Стекала капельками с крыш
Роса по трубам водосточным;

И рог пастуший в этот час,
И первый ранний запах сена...
Всё, всё на памяти у нас,
Всё до подробностей бесценно:

Как долго непросохший сад
Держал прохладный сумрак тени;
Как затевался хор скворчат —
Весны вчерашней поколенья;

Как где-то радио в дому
В июньский этот день вступало
Еще не с тем, о чем ему
Вещать России предстояло;

Как у столиц и деревень
Текло в труде начало суток;
Как мы теряли этот день
И мир — минуту за минутой;

Как мы вступали за черту,

Где труд иной нам был назначен, —
Всё, всё у мира на счету.
И счет донныне не оплачен.

Мы так простились с мирным днем,
И нам в огне страды убойной
От горькой памяти о нем
Четыре года было больно...

Нам так же больно и теперь,
Когда опять наш день в расцвете,
Всей болью горестных потерь,
Что не вернуть ничем на свете.

У нас в сердцах та боль жива,
И довоенной нашей были
Мы даже в пору торжества
Не разлюбили, не забыли.

Не отступили ни на пядь
От нашей заповеди мира:
Не даст солгать вдова иль мать,
Чьи души горе надломило...

Во имя счастья всех людей
Полны мы веры непреклонной —
В годах, в веках сберечь наш день,
Наш мирный день, июнь зеленый.
А. Твардовский

Той первой ночью

Ещё той ночью игры снились детям,
Но грозным рёвом, не пустой игрой,
Ночное небо взрезав на рассвете,
Шли самолёты на восток. Их строй

Нёс, притаясь, начало новой ноты,
Что, дирижёрским замыслам верна,
Зловещим визгом первого полёта
Начнёт запев по имени — война.

Но дирижёр не знал, что в этом звуке,
Где песнь Победы чудилась ему,
Звучат народа собственного муки,
Хрипит Берлин, поверженный в дыму.

Той первой ночью, в ранний час рассвета,
Спала земля в колосьях и цветах,
И столько было света, столько цвета,
Что снились разве только в детских снах.

Той ночью птицы еле начинали
Сквозь дрёму трогать флейты и смычки,

Не ведая, что клювы хищной стаи
Идут, уже совсем недалеко.

Там где-то стон растоптанной Европы,
А здесь заставы день и ночь не спят.
Притих в лазурной дымке Севастополь.
Притих под белой ночью Ленинград.

Штыки постов глядятся в воды Буга.
Ещё России даль объята сном...
Но первой бомбы вой коснулся слуха,
И первый гром — и первый рухнул дом.

И первый вопль из детской колыбели,
И материнский, первый, страшный крик,
И стук сердец, что сразу очерствели
И шли в огонь, на гибель, напрямик.

И встал в ту ночь великий щит народа
И принял в грудь ударов первый шквал,
Чтоб год за годом, все четыре года,
Не утихал сплошной девятый вал...

... Всё отошло. Заволоклось туманом.
И подняла Победа два крыла.
Но эта ночь, как штыковая рана,
Навек мне сердце болью обожгла.
Н. Браун

Первый день войны

1. Наши пушки вновь заговорили!
Враг напал. Мы выступили в бой!
Вымпела прославленных флотилий,
Словно чайки выются над водой.

Бить врага нам нынче не впервые,
Чтоб кровавый след его простыл,
Вам, полки и роты фронтовые,
Помогает действующий тыл.

Как один за Родину мы встали,
Равнодушных между нами нет,
Каждой тонной выпущенной стали
Мы крепим величие побед.

И сражений раскалённых воздух
Стал отныне общею судьбой
Нам, несущим вахту на заводах,
И бойцам, бросающимся в бой.

Родина! Тебе мы присягали,
И, шагая с именем твоим,

Силой крови, пороха и стали
В этой битве снова победим!

2. За мирное счастье на свете
Дерётся советский народ,
И враг его, сеющий ветер,
Свинцовую бурю пожнёт.

Мы клялись родимой Отчизне
И клятву сдержали не раз,
Ни крови, ни счастья, ни жизни
Мы не пожалеем сейчас.

Шагайте по выжженным нивам,
Глашатаи мирной страны,
Карайте мечом справедливым
Врагов, что погибнуть должны.

Пройдя пограничные знаки,
Минуя засады и ров,
Разрушим клинками атаки
Гнездо озверевших врагов.

Нам это спокойно и чётко
Сказала Советская власть.
Получена первая сводка...
Товарищ! Война началась!
Ю. Инге

Верим в Победу

Против нас полки сосредоточив,
Враг напал на мирную страну.
Белой ночью, самой белой ночью
Начал эту чёрную войну!

Только хочет он или не хочет,
А своё получит от войны:
Скоро даже дни, не только ночи,
Станут, станут для него черны!
В. Шефнер

Утро перед войной

Охалка сена, простынь...
И ни обид, ни слёз.
Подолом юбки пёстрой
рябит во сне покос.

Ходики над комодом
бьют четыре часа.
Не иначе как мёдом
склеены глаза.

В подушку, в тёплые слюни
тычется сонный рот.
22 июня.
41 год.
В. Бобров

На рассвете началась война.

Спали люди, отложив на утро
Все свои заботы и дела.
В светлом доме, тихом и уютном,
Маленькая девочка спала.

На кровати, на столе игрушки,
За окном большой зеленый сад,
Где весной яблони и груши
Надевают праздничный наряд.

Плыло небо в светлых звездных точках,
Небо тоже дожидалось дня,
И никто не знал, что этой ночью
на рассвете началась война.
В. Виктор

Первый день

22 июня сорок первого года
на дачу, что мы снимали в это лето на Сходне,
ещё ни о чём не зная,
съехалось всё семейство:
отцы, и дети, и внуки.
Стол был ещё довоенный:
праздничный, изобильный,
с мраморной ветчиною,
весёлым промытым луком,
нежно мерцавшей сёмгой
и крутобокой редиской.
И довоенная водка
Добродушно желтела в графине...

И все за столом сидели.
Младшие — мы с сестрою.
Старшие — дед и бабка,
а в середине их дети,
наши дядья и тётки
с жёнами и мужьями.
Уже седой Петр Павлыч,
ещё не убитый Костя
и мамин брат дядя Саша —
со шпалами в алых петлицах.

И сначала всё было тихо,
и все говорили негромко.
А после громче и громче

и как-то... развеселились!
Как будто что-то прорвалось,
выяснилось, разрешилось!
(Наверное, было жутко,
жутко и непонятно
жить с фашистами в мире,
а теперь всё стало на место.)

И отец мой — он был самый штатский:
инженер-капитан запаса —
померанцевой выпил и крякнул:
«Ну, через месяц — в Берлине!»

А впрямь до Берлина было
от новой границы рядом:
шестьсот с небольшим километров,
как раз на месяц похода...
Е. Храмов

* * *

(Из поэмы «Зоя»)
Теперь, среди военных буден,
в часок случайной тишины,
охотно вспоминают люди
свой самый первый день войны.
До мелочей припоминая
свой мир, свой дом, свою Москву,
усмешкой горькой прикрывая
свою обиду и тоску.

Ну что ж, друзья!
Недолюбили,
недоработали,
не так,
как нынче хочется, дожили
до первых вражеских атак.
Но разве мы могли б иначе
на свете жить?
Вины ничьей
не вижу в том, что мы поплачем,
бывало, из-за мелочей.
Мы все-таки всерьез дружили,
любили, верили всерьез.
О чем жалеть?
Мы славно жили,
как получилось, как пришлось.

Но сразу
вихрь,
толчок,
минута,
и, ничего не пощадив,
на полутоне сорван круто

с трудом налаженный мотив.

Свинцовым зноем полыхнуло,
вошло без стука в каждый дом
и наши окна зачеркнуло
чумным безжалостным крестом.

Крест-накрест синие полосы
на небо, солнце и березки,
на наше прошлое легли,
чтоб мы перед собой видали
войной зачеркнутые дали,
чтоб мы забыться не могли.

Глаза спросонок открывая,
когда хлестнет по окнам свет,
мы встрепаемся, вспоминая,
что на земле покоя нет.

Покоя нет и быть не может.
Окно как раненая грудь.
Нехитрый путь доньше прожит.
Отныне начат новый путь.

Все в мире стало по-другому.
Неверен шум, коварна тишь.
Ты выйдешь вечером из дому,
вокруг пытливо поглядишь.

Но даже в этой старой даче,
в тревожный погруженной мрак,
все изменилось, все иначе,
еще никто не знает как.

М. Алигер

В поход!

Вместе весна и лето
Нынче гостят в Москве.
Сколько рассеяно света
В тучах и в синеве!

Мирно Москва проснулась
В этот июньский день.
Только что развернулась
В скверах ее сирень.

Мчались мотоциклетки,
Била их частая дрожь.
В сетках мячи и ракетки
В парки несла молодежь.

Радуюсь лету и миру,
Утро встречала Москва.

Вдруг разнеслись по эфиру
Памятные слова.

Голос уверенно строгий
Сразу узнала страна.
Утром у нас на пороге
заполыхала война!

Недруг лихой, вероломный
Встал у советских ворот.
Тучей угрюмой и темной
К нашему солнцу плывет.

Разом, в одно мгновенье
Все изменилось кругом.
Юноша в майке весенней
Смотрит суровым бойцом.

Девушка стала сестрою,
Крест на ее рукаве.
Сколько безвестных героев
Ходит сейчас по Москве.

Сколько их в шахтах, колхозах,
Сколько на школьной скамье,
В кузницах, на паровозах,
В каждой советской семье.

Все — на борьбу с врагами,
В дальний и грозный поход!
Знайте: победа за нами.
Ленина, Сталина знамя
В бой миллионы ведет!
С. Маршак

22 июня 1941 года

Роса еще дремала на лафете,
когда под громом дрогнул Измаил:
трубач полка — у штаба —
на рассвете
в холодный горн тревогу затрубил.

Набата звук,
кинжальный, резкий, плотный,
летел к Одессе,
за Троянов вал,
как будто он не гарнизон пехотный,
а всю Россию к бою поднимал!
А. Недогонов

22 июня 1941 года

В рассвет течёт неспешная река.
Крадёт сон, смежить пытаюсь веки.

Туманом смыло ближние стога...
Остановить бы этот миг навеки!

Секунды в вечность пулями летят,
Пока кровавит берег свет ракеты.
Ещё пройдет мгновенье — и снаряд
Обдаст войной шестую часть планеты.

Заставу поднял у калитки взрыв.
Дробь каблуков по вымытым ступеням.
След по росе. Береговой обрыв.
Чужие вёсла нашу воду пенят.

Дошлёт патрон послушная рука,
В плечо ударит трёхлинейки ярость.
...Он принял бой, и для него река
Так навсегда границей и осталась.

В победный май отсюда путь пролёт,
Увенчанный немеркнущим салютом,
И первым сделал в эту даль рывок
Солдат, провоевавший три минуты.
В. Ганишин

22 июня 1941 года

В ту ночь всё огневое было,
Всё — звёзды, замыслы, слова...
А поутру сердца знобило,
звала набатная молва.

И звёзды стёрлись,
и распалась
мечта.
Он снял с крюка шинель.
И словно море в шторм,
осталась
в углу неприбранной постель.

Она, вчерашняя невеста,
стояла чёрной, как вдова,
от грома с бастионов Бреста —
и ни жива и ни мертва.

Она сама разжала руки,
муж на ходу вскочил в вагон.
Сливались рельсы,
молкли звуки,
и лишь глаза — вдогон, вдогон...

Стучало сердце:
«Будешь драться,
как ни пришлось бы — днём, во мгле, —
но должен враг в земле остаться,

а ты — весёлым на земле!»

С. Поделков

22 Июня 1941 года

В апреле сережки на вербе
под окнами мирных квартир.
В июне стервятники в небе
и бомбами взорванный мир.

Уходят за витязем витязь,
прижав автоматы к сердцам, и
и машет ивановский ситец
вослед уходящим бойцам.

В слезах причитающих женщин
рассвет над родной стороной
на памяти сердца отмечен,
как первая встреча с войной.

В. Патарлов

21 июня 1941 года

Блестит бульжник лиловатый, —
Идёт дорога в облака.
И водокачка, как граната,
Стоит у края городка.

Уже горит заката алость, —
Она густеет на ветру.
Война ещё не начиналась —
Начнётся завтра поутру...

Н. Карпов

22 июня 1941 года

«Началась война...» —
В сердца вонзилось
Страшную отравленной стрелой.
И на свете
Всё переменялось.
И тревога
Встала
Над страной.

Эта весть
Собой закрыла солнце,
Словно туча чёрная в грозу.
Нивы
Вдруг пожухли,
Колокольцы
Вдрогнули
В разбуженном лесу.

Эта весть
Ударила, как бомба.

Гнев народа
Поднялся волной.
В этот день
Мы поклялись до гроба
Воевать
С проклятою войной.

В этот день
Ты верным стал солдатом,
И тебе,
Прошедший бой солдат,
Люди
За победу в сорок пятом
От души
Спасибо говорят.
Миклай Казаков, перевод А. Аквилева

22 июня

Июнь. Россия. Воскресенье.
Рассвет в объятьях тишины.
Осталось хрупкое мгновенье
До первых выстрелов войны.

Через секунду мир взорвётся,
Смерть поведёт парад-алле,
И навсегда погаснет солнце
Для миллионов на земле.

Безумный шквал огня и стали
Не повернётся сам назад.
Два «супербога»: Гитлер — Сталин,
А между ними страшный ад.

Июнь. Россия. Воскресенье.
Страна на грани: быть — не быть...
И это жуткое мгновенье
Нам никогда не позабыть...
Д. Попов

* * *

Июнь. Рассвет. Река изломом.
Туман над лесом. Тишина.
Снаряд. Разрыв. И с неба громом:
«Сегодня началась война...»

Нельзя сказать: «Ее не ждали...»
«В нее не верили...» — точней.
С Москвы на дачи выезжали,
В реке ловили окуней...

Толпа растерянно стояла,
Галдели громко пацаны,
Будил всех голос Левитана:

«Без объявления войны...»

Мне скажет кто-то — все не ново,
Давно не та уже страна.
Но в памяти живут три слова:
«Сегодня началась война...»
Д. Попов

22 июня

Ликует утро... И ясны,
Прозрачны солнечные дали.
Сегодня — первый день войны...
Хоть мы о том ещё не знали.

Но скоро мир волшебных снов
Уйдёт в туман воспоминаний.
Уже приподнят тайный кров
Над бездной горя и страданий.

И мы пошли сквозь вихрь смертей,
Через огонь, разор и беды...
И много-много долгих дней
Нас отделяло от победы.
Е. Груданов

22 июня

Этот день не забыть.
Этот день навсегда
В нашу память вошел
Раскаленным осколком.
...Было чудное утро.
Заря, как слюда,
Серебрилась над серым
Пустынным проселком.

И когда за рекою
Верхушки берез
Обожгла докрасна
Орудийная вспышка,
Дав России сигнал,
К карабину прирос
Из глубинки тверской
Пограничник-парнишка.

За спиною — страна:
Ширь лесов и болот,
В городах — тишина,
Там ни дыма, ни гари.
Торопился Курчатов
Ядро расколоть,
Видел звездные сны
Семилетний Гагарин.

А в секрете
Послушные пальцы бойца
Торопясь,
В магазин загоняли обойму.
Он собой заслонил
Наши с вами сердца
И упал в задымленной
Принеманской пойме.

И под ним
Обагрились ромашки,
Как мак,
Тонко звякнули
Гильзы пустые.
Но уже по тревоге
Вставала Россия,
Заносся для удара
Свинцовый кулак.

Словно рана в груди,
Наша память болит,
Хоть и время летит
Реактивную птицей...
День войны!
Никогда он не будет забыт.
Но важнее —
Не дать повториться.
Б. Яроцкий

Страница новой истории

В норвежских льдах, в ущелье Фермопил,
На верфях Гавра, в переулках Праги
Мир ненависть к стервятникам копил
И мщенье торопил. В крови и прахе
Под сапогом фельдфебельским дымилась
Вся Франция. Фашистский феодал,
Своей стране оказывая милость,
Ее крестами кладбищ награждал.
Пока война Европу сотрясала,
Он стаскивал в свою берлогу хлеб,
Железо, нефть, шелка, и шерсть, и сало,
А все не полон был смердящий склеп.
Был разум обезглавлен. Гнев убит.
Сопротивленье силами скудело.
Вползла зараза мертвенная в быт.

А между тем в Европе то и дело
Прокатывался ропот. Там, внизу,
В глубокой шахте, в доке корабельном.
Могильный сон был смешан с колыбельным.
И превращалась тишина — в грозу.

Был ранний час, наверно, лучший в мире,
Начало жизни, песен и труда.
Младенцев кротких матери кормили,
Пылили по степным шляхам стада.
Шла в пионерском лагере зарядка.
Трава тянулась к свету. Дивный рост
Дремучих клубней пестовала грядка.
Пел песенку задумчивую дрозд.
Страна дышала в мирном изобилье,
В сверканье жизни, песен и труда.

В то утро раннее враги бомбили
Советские порты и города.
В то утро перешли рубеж их танки.
И там, на пограничном рубеже,
На мирном белорусском полустанке,
В то утро наша кровь лилась уже.

И грозные откликнулись гудки.
И, вся в поту, и в дыме, и в мазуте,
Страна вставала, сжавши кулаки
Как много силы было в той минуте!

Умру ли завтра, проживу ли век,
В Москве, на фронте, на море — повсюду
Я, рядовой советский человек,
Священной той минуты не забуду.

Мы все, закинув головы, могли
Почувствовать, как, задрожав от гула,
Страницу медленно перевернула
История пылающей земли.

Две армии сошлись в ожесточенной
Смертельной схватке. Началась война.
В то утро раннее в Европе черной
Кайма зари едва была видна.

Храпел Берлин. В бреду металась Вена,
Закована в кольцо концлагерей.
И где-то в Гамбурге самозабвенно
Сирена выла. «Нас бомбят! Скорей!»

Но зарево, растущее с востока,
Вершины Альп кровавило слегка
Сквозь гул электроволн и мчанье тока
Казалось, что война недалека.

Париж дышал осадами Бастилий.
В Брюсселе Уленшпигель бил в набат.
В Белграде песни русские гостили
На Капри Горький подымал ребят

Не зная, гаркнуть иль посторониться,
Шли оккупанты, убыстряя шаг.
Дышала бурей новая страница
Истории. И звон стоял в ушах.

На западе заря не закатилась,
В течение суток не настала ночь.

...И вот на нашем фронте прокатилось:
«Мы боремся, чтобы и вам помочь».

П. Антокольский

Тот рассвет

В который раз я вижу тот рассвет —
Прекрасный и невинный, как невеста...
И матери моей всего семнадцать лет,
И дышат жизнью все солдаты Бреста.

В который раз я вижу тот рассвет
В кино, с телеэкрана, в строгой книге...
Меня тогда «в проекте» даже нет,
Но жизнь моя сокрыта в этом миге.

В который раз я вижу тот рассвет,
Расстрелянный стервятником кровавым.
О, сколько в нём истерзанных невест,
Вовек неназванных священным
словом мама!

В. Архангельский

За восемь часов до войны

Цветущий июнь сорок первого года.
Играет оркестр духовой.
В безмолвном восторге затихла природа
— У школьников бал выпускной.

Танцуют мальчишки, танцуют девчонки
— Вчерашние дети страны.
Под звуки мелодии смех слышен звонкий,
За восемь часов до войны.

Все девушки в платьях из тонкого ситца,
Расцветка — от летних полей,
Как хочется всем им сегодня влюбиться
В красивых и статных парней.

А их одноклассники в белых рубашках,
Значок ГТО на груди,
Цветы полевые в нагрудном кармашке
— Ромашка и пара гвоздик.

То скромный подарок девчонки — подружки
— Прощанье со школой родной.

Блеснула слеза на глазах у девчушки
— Как жаль расставаться порой.

Мечтают ребята, что будут когда-то
Как Чкалов, летать в небесах,
Сжимая штурвал ястребка-самолёта,
В полёте творить чудеса.

Не знают мальчишки, что враг уже рядом,
Что Родине завтра нужны...
И кружатся в вальсе прекрасные пары,
За восемь часов до войны...

Г. Веденеев

22 июня 1941 года

Вздыхает ночь, блистает звезд краса,
Кругом сияют радостные лица,
Влюбленных пар густая вереница
Взирает беззаботно в небеса...

Мечты, минуты жарких объяснений,
Прощенья, оправдания, восторг,
Советы тех, кто в жизни знает толк,
Уроки предыдущих поколений...

Не думали, не ведали, не ждали,
Что с треском разорвутся небеса,
Ослепнут в смерче огненном глаза,
Обуглятся березовые дали.

От взрывов содрогнутся недра гор,
В крови невинной речка захлебнется,
И нить счастливых жизней оборвется,
Испуганно замолкнет птичий хор.

От свастика почернеет белый свет,
От воплей встанет дыбом лес дремучий,
И скользкий гад коричневый, ползучий
Кольцом сожмет течение зим и лет.

Кого-то смерть сразит в родных краях,
Кого-то пуля встретит на чужбине,
Кому-то повезет, но будет ныне
Влачить свой путь на черных сухарях.

Бледнеет ночь, тускнеют звезд глаза,
Но светятся доверчивые лица:
Влюбленных пар густая вереница
Не знает, что приблизилась гроза.

С. Васильев

Утро 22-го 1941 года

Ещё чуть-чуть. Минуты до рассвета,
Наступит вскоре самый длинный день,
Который не забудет вся планета...
Ночь поспешила, промелькнув, как тень.

Затихло всё. Как чувствует природа:
Вот рассветёт, и всё пойдет не так...
Короткий миг остался до восхода,
И столько же до яростных атак.

Всё притаилось, ясно понимая —
Последний шаг остался до войны...
Вот первый луч, а тишина такая,
Что и полеты бабочек слышны.

А. Сидоровнин

22 июня

Дыма черная десница
Распростерлась над землей,
На полях горит пшеница,
Разъярив июньский зной,

Суежливо птицы кружат
Над расстрелянным селом,
Будто панихиду служат,
На восход крестясь крылом,

Едкий дух застывшей боли,
Сон кошмарный, — нынче былъ,
Жаждет свежей русской крови
Змей стальной, утюжа пыль,

Сбиты главы у собора,
В грозном, приторном чаду
Древний Спас взирает скорбно
На тевтонскую орду,

Страшной карой за безверье
Русским новая война,
Выпить чашу искупленья,
У которой нету дна,

Гарью горизонт замаран,
До победы путь далек,
Сатанинская армада,
Выполнять веленье ада
Марширует на восток.
С. Байбара

Июньская память

Века ушедшего — остов стальной.
Чья-то в архивах укрылась вина...

Белые платья, и бал выпускной,
Звёзды в ночи. А наутро — война!..

Утро июньское грянет грозой,
Взрывы войны разобьют тишину.
С маршем Агапкина, с женской слезой
Время отправит солдат на войну.

... Может быть, кто-то не помнит уже
Дрожь похоронок и плачи навзрыд...
Вновь открываются раны в душе —
Молнией боль от июньской грозы.

Всех, кто отрёкся от этой войны,
Кто искажил её подвиг и суть,
Дети и внуки великой страны
В это июньское утро клянут!

К тем возвращается в клятвы словах
Ненависть жён, матерей и невест.
Кто оскорбил победителей прах —
Прокляты временем будут навек!
Н. Цурикова

22 июня, 4 часа 10 минут

*"В 4 часа 10 минут неожиданно
раздался артиллерийский выстрел,
снаряд разорвался в нескольких метрах
от наших палаток, в лесочке на краю
Бельского аэродрома, и сразу
же после этого до нас донеслась
со стороны демаркационной линии
стрельба нескольких пулемётов..."
(Из моего дневника)*

Демаркационная линия —
Там, где Брест и Бельск,
Еще продолжала границей быть
мирной.
Разведен на железной дороге рельс.
Но на Брест и Бельск смотрит ствол
мортирный.
Четыре часа и лишь девять минут.
Июня того сорок первого года
Двадцать второго числа.
Но живут.
Во мне уже близящиеся невзгоды.
Еще Бабий Яр может мирно спать,
Девятый форт и не ждет
расстрелов,
Жив мой отец, и жива моя мать —
Но сердце мое уже осиротело.

Всего лишь минута — и дрогнет мир!
Пока еще тихо.
Но в утренней рани
Безрадостно солнце взойдет над
людьми,
Потянутся годы невзгод и страданий.

Еще ленинградские дремлют мосты,
Но стужей блокадной чреват уже
воздух.
Крещатик покоен еще,
но кресты
Пожаров горят на его
перекрестках...
Четыре часа и лишь девять минут
Июня того сорок первого года
Двадцать второго числа.
Но живут
Во мне и Победы далекие всходы!
Минуты — что овцы:
взметнулся кнут,
Кроваво десятую отмечая...
Еще только девять — не десять,
не больше минут!
Но эта минута родит и Девятое мая!
Арон Вергелис
Перевел с еврейского Л. Темин.

22 июня 1941 года

День на исходе. Полночь скоро.
Только сегодня никто не спит.
Мать вздыхает тоскливо и скорбно,
Отчим сурово молчит.

22 июня 1941 года
Прежняя жизнь ушла во «вчера».
Звать ее будем теперь «до войны»...
Отчиму мать: «Ведь они — детвора,
Неужели возьмут?» — «Ну, ему — не пора,
За год же фашистам мы спустим штаны!
Здесь не Европа, чтоб им подфартило,
Не на такой напали народ!
Узнают, сволочи, как свиное рыло
Совать в советский наш огород!» —
«Ты говорил, что у них тоже сила...»
(Отчим в Германии был в плену,
Там его било, ломало, месило, —
С тех пор чахотка пристала к нему).
«Слов нет, конечно, — огромная сила,
С папами, с финнами их не равнять!
Если тогда миллионы скосило,
То...» — Кашлем зашелся, взглянув на мать.
«Я не о том ... Мы — российского рода!

Русские прусских били всегда!
Нашего им не осилить народа,
Как бы ни тщилаась фашистов орда!»

22 июня 1941 года
Для всех народов Советской страны
Этот день — начало Нового года,
Года войны,
Этот год — начало новой
Отечественной войны.

22 июня 1941 года.
Над Ярославлем — чудо-погода:
Солнце с утра,
Ни облачка в небе, ни ветерка,
И, как всегда, в дни подобного рода,
Мы всем двором смылись враз со двора.
И, как всегда, по воскресеньям,
На площади Челюскинцев играли в футбол.
И, как всегда, лучший из нападения,
Сергей Смирнов вбил отличный гол!
И, как всегда...
Но вдруг из репродуктора,
как шквальная волна,
Обрушилось на площадь:
«Война!»

«Война?!».
А как же «Заявление ТАСС»?
Прошла всего неделя?
Или бездумно успокаивали нас,
Иль ублажали зверя?

«Война!!!»
И прервана игра.
И не доиграна игра.
Такою и останется она,
И не на время — на времена!
В том не Сережкина вина —
Война!

«Держись, фашистский гад!» —
Мы ринулись под общий гвалт
Двумя командами в военкомат...

Война.
Ее мы ждали.
В войну играли,
И «красные», конечно, побеждали —
Иначе не могло и быть!
Пора фашизму отомстить!
За боль Германии!
Позор Италии!

За кровь Испании!
За Абиссинию!
За небо синее
В дыму!
За эту вот войну,
Которая у нас уже в дому!
За море горя!
За страдания,
Что старят много-много ранее
И лица женские.
И лица детские!
За пытки зверские
В застенках наци!
За поруганье наций!
За горы книг, сожженных на кострах!
За слабых страх,
Готовых сдать,ся,
Готовых рабски распластаться
Пред смертоносною ордой
Коричневых москитов —
Убийц, насильников, антисемитов!
За бомбы вой!
За боли вой —
Сиротский, вдовий, материнский вой!
За головы борцов, сеченные на плахе
Секирой палача со свастикой на рубахе!
За генерала Лукача! За Тельмана!
За девушку испанскую Одену!

Клянусь!
Одежд гражданских не надену,
Не выпущу меча,
Пока не отомстим за все и вся,
За всех и вся!
За первого убитого!
И за последнего!
За тех, кто пал вчера!
И кто сегодня — в час рассвета летнего!
Кто надает сейчас
И не увидит завтра!
Кто завтра встретит смертный час!
Иль послезавтра!
Иль через много-много дней!
А, может, месяцев!
А, может, через год! —
За всех
За тех,
Кто до победы не доживет!
Россия! Мать!
Твой сын перед тобой.
Пусть он еще юнец безусый,
Но он готов на смертный бой
И он не будет трусом!

Россия! Мать!
Грохочет бой жестокий.
Скорей произнеси: «Мой сын, — иди!
Иди!
Твои настали сроки.
Иди и победи!»
И победит.
И возвратится.
Наверно, это будет день весны.
Ты будешь вечно им гордиться.
И не одним —
Нас сотни тысяч,
И все твои сыны!
В. Слёзкин

За десять минут до начала войны

Над русской землею — нерусские птицы,
их крылья темны, их чужды голоса.
Проснулся ли я, или прошлое снится —
ответит война через четверть часа.

В рассветной заре небеса побледнели,
и русские звезды почти не видны.
Ах, если бы знать, что не сплю в самом деле
за десять минут до начала войны!

Остаться в живых... Нет, остаться бы спящим,
не видеть, не слышать, как взрывы сверкнут.
Ведь прошлая боль лишь больней в настоящем,
когда до войны пять последних минут.

На русской земле не осталось покоя.
Но будет победа, но будет весна.
Отец в сорок первом мне машет рукою,
чтоб я не забыл, как приходит война.
В. Верстаков

Первый день войны

С утра обычный выходной в столице,
В своих воскресных хлопотах страна...
А в этот час на западной границе
Уже идёт жестокая война.

Напав неожиданно, ночью, по-пиратски,
Всё сокрушая на своём пути,
Враг хочет навязать режим свой рабский
И побыстрее до Москвы дойти.

Несёт страдания, горе вражья стая.
Уже бомбятся сёла, города.
Страна ж пока живёт, ещё не зная,

Какая страшная пришла беда...

До радиоузла — не дальняя дорога.
В машине едет в студию нарком.*
Глаза серьёзны, на душе тревога,
Рой мыслей тягостных, а в горле — ком.

Он видит молодёжи круг весёлый:
У школьников был вечер выпускной.
И им, вчера простившимся со школой,
Придётся завтра встретиться с войной.

А дальше — свадьба: пляска, смех и песни,
Невеста — в белом, счастьем вся полна.
Наркому стало душно, сердцу — тесно:
Над счастьем тучей уж стоит война.

Он знает, что покоя ощущение
Исчезнет вскоре вмиг по всей стране,
Ведь он прочтёт к народу обращенье —
Заявит о начавшейся войне.

И в студии вдруг изменились лица,
Когда он сообщенье произнёс.
И будто потемнела вся столица.
«Что дальше?» — мучит каждого вопрос.

Уже не та Москва при возвращении,
Не слышно песен, смех уж не звучит.
Людей врасплох застало сообщенье,
Кто плачет, кто растерянно молчит...

Был этот день началом страшной драмы,
Со скорбью вспоминают все о нём.
Июньский светлый день — он длинный самый —
В истории страны стал ЧЁРНЫМ днём.
3. Торопчина

*С обращением к народу выступил В.М. Молотов — Председатель Совнаркома и Нарком иностранных дел.

Тишина в ночь на 22 июня

В июне непростая тишина,
В четыре утра от неё не спится,
И смотрит настороженно она
В суровый сумрак западной границы.

Фата тумана вязнет в тишине,
Смех застывает леденящим комом,
Как тяжело сегодня ночью мне,
Хоть тишина сама и невесома.

Жаль, что в историю нам не добавить бы

Запаса времени хотя бы на полгода...
Но вот стоят сейчас погранстолбы,
Как символ доблести советского народа.

Такая ночь в году всего одна,
Июнь, скорбя, молчит 22-го,
Ведь этот мир взрывает тишина,
И прадед мой в ней погибает снова.
С. Ефимов

В начале лета

В тот день Россия травы постелила
В начале лета, посреди войны.
Откуда ни посмотришь — с фланга, с тыла —
Везде вокруг нас пригорки зелены.

Дыханьем боя душу опалило:
Повсюду пушки — огненная пасть.
В тот день Россия травы постелила
На всех местах, где раненым упасть...
М. Найдич

22 июня

Еще заря, лаская небо,
Стелила легкой дымкой шаль,
Еще в росе колосья хлеба,
А в золоте речная даль,

Еще к земле клонились травы
Роняя розовый наряд,
А смерть ждала, о, боже правый!
И жерло пушки жег снаряд.

Огнем и пеплом мир нарушив,
Взрывная вздыбилась волна,
И не было больней и суше,
Страшнее слова, чем — Война!

Но снова гарью пахнет где-то,
Снаряды рвутся в городах,
И стонут раненые дети,
И вопиет в глазёнках страх.

И вновь в домах кромешный холод,
И стыннут мертвые тела,
Грозится смертью лютый голод,
Война в наш век перетекла.

Неймётся сытым и растленным,
Что им до горя матерей?!
А вопль несётся над вселенной,
И рык отъявленных зверей.

Л. Нелен

Сорок лет назад

В тот год мне было две весны,
Совсем не знавших зла,
Над Волгой колыхались сны,
Роса в лугах спала.

Дремала капля на траве,
Наивна и светла...
А вёсен было только две,
Совсем не знавших зла!

Кто знал, что у двухлетних нас
Судьба поделена.
В тот горький день,
В тот скорбный час,
Когда пришла война.

Ополья начинали петь,
Ручьёв сверкала нить...
Судьба: кому-то умереть,
Кому-то долго жить!

Склонённой матери тепло,
Свеченье добрых глаз...
Но выползло на небо зло
И разделило нас...

И первый громыхнул фугас,
И жизнь поделена
В тот горький день,
В тот скорбный час,
Когда пришла война.

Трубила сбор, призвав к борьбе,
Охрипшая труба,
Дрожала стеблем на косьбе
Двухлетняя судьба.

Младенчества святая кровь.
Мир вспыхнул и затих...
Мечты, Гагарин и любовь,
И книги для других.

В последнем сладком полусне
Погладил всех рассвет...
И страшно оглянуться мне
Назад на сорок лет!
Ю. Адрианов

22 июня

Как медленно закат плывет над Бугом,

Бросает отсвет на притихший лес...
Уходит солнце рыжим полукругом
За горизонт, за самый край небес.

Я в этот полукруг гляжу с опаской.
Мне кажется — с того крутого дня, —
Что там не солнце, а в кровавой каске
Лежит солдат и целится в меня.

В. Туркин

22 июня 1971 года

Свет похож на тьму,
В мыслях — пелена.
Тридцать лет тому
Началась война.

Диктор — словно рад...
Душно, думать лень.
Тридцать лет назад
Был просторный день.

Стала лишней ложь,
Был я братству рад...
А еще был дождь —
Тридцать лет назад.

Дождь, азарт игры,
Веры и мечты...
Сколько с той поры
Утекло воды?

Сколько среди полей
У различных рек
Полегло парней,
Молодых навек?

Разве их сочтешь?
Раны — жизнь души.
Открывалась ложь
В свете новой лжи...

Хоть как раз тогда
Честной прозе дня
Начала беда
Обучать меня.

Я давно другой,
Проступила суть.
Мой ничьей тоской
Не оплачен путь.

Но все та же ложь
Омрачает день.

Стал на тьму похож
Свет — и думать лень.

Что осталось? Быт,
Суета, дела...
То ли совесть спит,
То ли жизнь прошла.

То ль свой суд вершат
Плешь да седина...
Тридцать лет назад
Началась война.
Н. Коржавин

22 июня

В тот страшный день земля рванула в небо.
От грохота застыла в жилах кровь.
Июнь цветастый сразу канул в небыль,
И смерть вдруг оттеснила жизнь, любовь.

Надели гимнастёрки и шинели
Вчерашние мальчишки — цвет страны.
Девчонки на прощанье песни пели,
Желали выжить в грозный час войны.

Война, как ком, катилась по дорогам,
Неся разруху, голод, смерть и боль.
Осталось их в живых совсем немного,
Принявших первый, самый страшный бой!

В атаку шли за правду, за Отчизну,
За мир, за мать с отцом, за добрый дом.
Чтоб защитить от ужасов фашизма
Права на жизнь, что рушилась кругом.

Сирень, гвоздики, нежные тюльпаны...
Начало лета, жизнь вокруг кипит.
Жива любовь, зарубцевались раны,
Но этот день июня не забудь!
Т. Лаврова

День памяти и скорби

В день памяти и скорби
Зажги свечу свою.
Со всеми вместе вспомни
Прошедшую войну,

Июньский день, где бомбы
Прервали детский смех,
Тот день, где был разорван,
На «до» и «после» — век.

На «до войны» и «после»,

На «жизнь» и «смерть в бою»,
Где снова двадцать восемь
Панфиловцев в строю.

Где, грудью, на рассвете,
Встал приграничный Брест,
Тот день, где черным ветром
Летела смерть с небес.

Минутою молчанья
Погибшим долг отдай.
Ты, в этот день печальный,
О них не забывай.

В день памяти и скорби
Свою свечу зажги
Во славу тех, кто подвиг
Бессмертный совершил.
С. Кадашников

22 июня 1941 года

Кто письма писал, кто похрапывал сладко,
Кто книгу листал за тарелкой пшена ...
Вдруг слышим, радистка кричит из палатки:
— Ребята!.. Война!..
— Война? — кто-то бросил рассерженно.
— Враки!.. —
И тут же поверил и сжал кулаки.

Мы будто оглохли — ни лая собаки,
Ни шума реки.
И люди слепыми от боли глазами
Глядели на дымный далекий закат.
Начальник отряда навытяжку замер,
Как старый солдат,

Письмо оборвалось на фразе «взглянуть бы!»,
В крапиву упал недочитанный том.
В тот миг разрывались мучительно судьбы
На «до» и «потом» ...
Л. Стекольников

22 июня

Когда от мира до войны
Не остается промежутка,
Отходит сумрачно и жутко
Последний выдох тишины.

Ещё не взорваны мосты,
Ещё друзья — не боевые,
Ещё знамена полковые
По-довоенному чисты.

Ещё погибшие живут,
Девятый Майский день — не дата,
И Неизвестного солдата
Ещё Алёшею зовут.
В. Гаухман

Тот час

4.00 22 июня 1941

Когда созреет срок беды всесветной,
Как он трагичен, тот рубежный час,
Который светит радостью последней,
Слепи собой неискушенных нас.

Он как ребёнок, что дополз до края
Неизмеримой бездны на пути,
Через минуту, руки простирая,
Мы кинемся, но нам уж не спасти ...

И весь он — крик, для душ не бесполезный,
И весь очерчен кровью и огнем,
Чтоб перед новой гибельною бездной
Мы искушенно помнили о нем.
А. Прасолов

Первый день войны

Мы с поля шли, дымя дорожной пылью.
Летела песня в голубой простор:
«Нам разум дал стальные в руки крылья,
А вместо сердца пламенный мотор!»

Нас много шло — весёлых, сильных, юных
В косынках и фуражках набекрень...
То в сорок первом было... Да, в июне,
В один погожий и воскресный день.

Воскресник был в колхозе по прополке, —
Там весь актив собрался городской.
Но лишь к одной задорной комсомолке
Я прикипел и сердцем, и душой.

Я сзади шёл и видел только косы
Тугие, будто медные жгуты.
Да ног мельканье загорелых, босых,
И отпечатки маленькой стопы.

Она, казалось, чувствовала это:
Через плечо назад бросала взгляд,
И виделось в глазах зелёных лето,
А в платypiце - берёзовый наряд.

Мы подпевали радостно: «Всё выше!...»
Вдруг набежала тучка — хлынул дождь...
Вдали искрились городские крыши,
И веселее зеленела рожь.

Девчата бойко шлёпали по лужам,
Повсюду раздавались визг и смех...
И вдруг — сирены вой!.. На спинах ужас
Холодным потом проступил у всех.

— Война!.. Война... Вы слышали, родные?! —
Бежали женщины навстречу нам...
И смолкло пение про крылья те стальные...
Глазами я прильнул к её глазам.

Они застыли. Губы плотно сжаты.
И вся она — готовая к борьбе!..
Вдруг улыбнулась как-то виновато
И отдала цветы: «Возьми... Тебе...»

Я понял всё... «Хорошая, родная!..
Люблю тебя!» — хотелось мне сказать,
Но я спросил, цветы перебирая:
«Пойдёшь со мною вместе воевать?..»
П. Галактионов

22 июня

Мы никому не позволим забыть —
Ни престарелым, ни юным —
Дату, чей траур столетьям не смыть:
Двадцать второе июня.

Этот воскресный безоблачный день
Летнего солнцестоянья
Вдруг погрузил мир в зловещую тень,
В бездну смертей и страданья.

Брызнула алая кровь на росу,
В пламени корчатся травы.
Гитлер обрёл нас на свой
Страшный Суд,
Скорый, жестокий, кровавый.

Дикая сила катилась на нас,
Неодолимая сила,
И выполняя маньяка приказ,
Жгла, убивала, давила.

Как же смогли мы тогда устоять?
Ранены, даже убиты,
Мы поднимались опять и опять,
Чтоб защитить нашу Родину-мать
В этой немислимой битве.

Мы отстояли свободу и честь,
Мы вознесли наше знамя
В центре Берлина...
Но павших не счесть,
Мир им и вечная память!

Пусть же любая российская власть
Свято хранит в престарелых и юных
Память войны, что для нас началась
Двадцать второго июня.
А. Молчанов

